

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Родилась в городе Бугульме (Татарстан). Окончила Орловский государственный педагогический институт. Работала учителем, преподавателем кафедры русской литературы Орловского государственного университета. Доктор филологических наук, профессор, историк литературы.

Автор трех монографий и свыше 500 литературоведческих и художественно-публицистических работ о творчестве Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, И. А. Бунина, Ч. Диккенса и других классиков мировой литературы.

Удостоена золотого диплома VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» за книгу «Христианский мир И. С. Тургенева» (издательство «Зёрна-Слово», 2015), а также награды «Бронзовый Витязь» на VII Международном славянском литературном форуме «Золотой Витязь» за статьи-исследования творчества Ф. М. Достоевского.

Лауреат премий журнала «Зарубежные записки» (2014, номинация «Эссе. Литературная критика»), журнала «Наш современник» (2018, номинация «Литературная критика. Литературоведение»).

Член Союза писателей России. Живет в Орле.

«ПИСАТЬ ДЛЯ ВСЕГО НАРОДА...»

К 200-летию со дня рождения А.Н. Островского

Александр Николаевич Островский (1823–1886) – прославленный драматург, создатель русского национального театра. «Русский Шекспир» – так называли Островского современники, подчёркивая мировой масштаб его таланта.

Ранее драматургия в России была представлена настолько небольшим числом талантливых пьес, что их буквально можно пересчитать по пальцам. Среди них – «Недоросль» (1782) Д.И. Фонвизина, «Горе от ума» (1825) А.С. Грибоедова, «Борис Годунов» (1825), «Маленькие трагедии» (1830) А.С. Пушкина, «Ревизор» (1835) Н.В. Гоголя

Островский блистательно продолжил эту эстафету, выступил как яркий самобытный писатель, поразив современников новизной открытых им для литературы персонажей и типов. «На покинутое Гоголем добровольно вакантное место выступил достойный последователь и прямой наследник его, с выработанным новым взглядом на русскую жизнь и русского человека, с особенным преимуществом знатока великорусского народного быта и его, несомненно, верных и до тонкости изученных

национальных свойств, а в особенности отечественного языка в изумительном совершенстве», – справедливо утверждал писатель и этнограф С.В. Максимов (1831–1901).

«Русского Шекспира» ещё называли «купеческим Шекспиром». Он также хрестоматийно известен как «Колумб Замоскворечья», то есть первооткрыватель в отечественной драматургии особого уклада жизни этой части Москвы, которую населяли зажиточные купцы, мелкий торговый люд, приказчики, ремесленники-кустари, мещане, небогатые чиновники, стряпчие. И сам Островский родился в Замоскворечье, в семье чиновника – выходца из священнической среды, впоследствии дослужившегося до дворянства. Здесь будущий писатель провёл детство и юность. Так что жизнь замоскворецких обитателей, которых драматург впервые вывел на русскую сцену, он знал доподлинно: «Я знаю тебя, Замоскворечье, я сам провёл несколько лет жизни в лоне твоём, имею за Москвой-рекой друзей и приятелей и теперь ещё брожу иногда по твоим улицам. Знаю тебя в праздники и будни, в горе и радости, знаю, что творится и дется по твоим широким улицам и мелким частным переулочкам».

В орбите внимания писателя не только купечество, но и все социальные слои и сословия России второй половины XIX столетия. Пьесы Островского населяют мелкие торговцы и крупные капиталисты, мелкотравчатые и высокопоставленные чиновники, дворяне и простолюдины, мещане и разночинцы, труженики-интеллигенты, учителя и студенты, актёры и странники, свахи и приживалки, военные, ростовщики, люди без определённых занятий – «вольнопрактикующие» и «праздношатающиеся». Вся эта многоликая, пёстрая, объёмная, художественно и исторически достоверная картина русской жизни – целый мир, созданный творческим гением замечательного русского драматурга.

Его деятельность – это колоссальный труд, поистине подвижническое служение русской литературе, национальному театру, народу, России. Драматург создал 47 оригинальных пьес. Подсчитано, что в драмах Островского действуют 728 героев. Причём это не схематичные, условные персонажи, а живые, яркие, полнокровные личности. Каждый образ психологически точно и социально выверен, раскрыт через его персональную речевую характеристику. В сюжетах и драматургических конфликтах нашли верное отражение самые важные события и явления русской духовной и общественной жизни, особенности национального характера, индивидуальное своеобразие человеческих натур. Это настоящий литературный подвиг писателя.

Островский всецело посвятил себя драматургии и театру, жил и дышал ими, ни на что другое времени и сил не оставалось. Однако даже такой самоотверженный труд не приносил прочного материального достатка. Как, впрочем, и у многих русских писателей-классиков: например, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, при жизни испытывавших нужду, а после смерти увековеченных в памятниках.

В письме от 25 августа 1879 года Островский, отвечая на предложение, поступившее от редактора журнала «Русская старина» М.И. Семевского, об издании литературных и театральных мемуаров, признавался: «Я очень хорошо чувствую и всегда памятую, что на мне лежит долг сказать всю правду, какую я знаю, о многих лицах, принадлежащих уже истории: о литераторах, артистах, художниках... Иных я знал хорошо, с другими был близок, а с некоторыми был в самой короткой дружбе».

Я сам уже давно мечтаю, что “вот я буду писать свои воспоминания”, как это будет мне приятно, как это будет живо и правдиво, сколько нового я скажу... Но я знаю в то же время, что мечты мои так мечтами и останутся. Чтобы привести в порядок свои воспоминания и хоть только начать их как следует, нужны покой и досуг; а ничего этого у меня нет, не будет и быть не может!

С лишком 30 лет я работаю для русской сцены, написал более 40 оригинальных пьес, вот уж давно не проходит ни одного дня в году, чтобы на нескольких театрах в России не шли мои пьесы, только императорским театрам я доставил сборов более 2-х миллионов, и всё-таки я не обеспечен настолько, чтобы позволить себе отдохнуть месяца два в году. Я только и делаю, что или работаю для театра, или обдумываю и обделываю сюжеты вперёд, в постоянном страхе остаться к сезону без новых пьес, т. е. без хлеба, с огромной семьёй, – так уж до воспоминаний ли тут! Не рассчитывайте на меня, многоуважаемый Михаил Иванович, воспоминания – для меня роскошь не по средствам».

Только в конце жизни Островскому был назначен пенсия: «Дали белке за её верную службу целый воз орехов, да только тогда, когда у неё уже зубов не стало», – не без горечи замечал писатель.

Он так и не оставил собственных мемуаров. Зато о нём самом сохранилось множество сердечных, уважительных воспоминаний современников – писателей, журналистов, редакторов, актёров, друзей, знакомых. Личность «патриарха русской драмы» предстаёт здесь в полный рост, светится громадным талантом, воодушевлением, благородством, человеческим обаянием. «Он был поистине нравственно сильный человек, и эта сила соединялась в нём со скромностью, нежностью, привлекательностью. Кроткая натура его обладала способностью огромного влияния на окружающих. Он действовал, вдохновлял, оживлял <...> Никогда и никому ни разу в жизни Александр Николаевич не дал почувствовать своего превосходства, – свидетельствовал С.В. Максимов. – <...> Такова была и та притягательная сила богатства даров, какими обладал этот отечественный писатель и истинно русский человек и какие с избытком были отпущены на его долю». М.И. Семевский с душевной теплотой вспоминал: «Никогда не забуду я отрадных вечеров, проведённых мною у А.Н. Островского. Там я видел истинно русское гостеприимство, добродушие, откровенность и нечопорных гостей».

Драматург работал буквально до последнего мгновения жизни и умер за письменным столом, не успев завершить своего заключительного труда.

В «Записке о положении драматического искусства в России в настоящее время» (1881) Островский размышлял: «История оставила название великих и гениальных только за теми писателями, которые умели писать для всего народа, и только те произведения пережили века, которые были истинно народными у себя дома; такие произведения со временем делаются понятными и ценными и для других народов, а наконец, и для всего света». Это утверждение, сделанное на исходе жизни, с полным правом драматург мог бы отнести и к себе, подытоживая собственный творческий путь.

Островский родился весной, 12 апреля (31 марта по старому стилю). К собственному 50-летию юбилею писатель преподнёс самому себе необычный подарок: прямо в день своего рождения завершил работу

над новой пьесой. Это была «Снегурочка» (1873) – «весенняя сказка», как сам автор определил её жанр.

Неожиданно для всех Островский – реалист и сатирик – сочинил новаторскую, совершенно необычную для своего творчества пьесу – красивую, светлую, поэтическую. По всей видимости, рано пробудилась и долгие годы жила в душе писателя мечта о неизбежном обновлении – на началах правды и справедливости – человеческой природы и общественной жизни, которое обязательно должно наступить, как неминуемо происходит после зимнего оцепенения весеннее возрождение природы.

Уникальная в русской литературе, философско-символическая пьеса-феерия создаёт картину радостной, счастливой, свободной жизни в сказочной стране берендеев, которую населяет «народ честной и добрый», «народ великодушный». В идеальном государстве верховенствуют нравственные законы справедливости, миролюбия, благоразумия, добра, красоты и правды:

Чем же и свет стоит?
Правдой и совестью
Только и держится.

И главный смысл жизни и мироустройства – самоотверженная любовь: «На свете всё живое Должно любить» и «всё, что есть на свете дорогого, Живёт в одном лишь слове. Это слово: Любовь» –

Благое чувство,
Великий дар природы,
Счастье жизни,
Весенний цвет её.

Прославление Солнца, Правды, Любви, душевного огня, возвышенная жизнь творческого духа в «Снегурочке» резко контрастируют в других пьесах писателя с реалистическими картинами «тёмного царства», в основе которого – неистовая страсть к наживе, обман и одурачивание, произвол и угнетение, подавление личности.

Тема всевластия денег как «двигателя жизни», материальной выгоды, барышей; маниакальная идея несправедливого обогащения и её разрушительное воздействие на человеческую душу, личность, судьбу в самодержавно-капиталистической России занимают центральное место в драматургии Островского. Это наглядно подчёркнуто уже самими названиями многих произведений: «Свои люди – сочтёмся» («Банкрот») (1849), «Бедная невеста» (1851), «Бедность не порок» (1853), «Доходное место» (1857), «Бешеные деньги» (1870), «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (1872), «Бесприданница» (1878).

Одна из первых социально-критических пьес Островского – «Свои люди – сочтёмся» («Банкрот») (1849) – принесла молодому автору широкую известность и признание, несмотря даже на то, что была запрещена царской цензурой к изданию и постановке на сцене. Драматург открыто озвучил здесь преступные установки сильных мира сего устами купца с говорящим именем, отчеством и фамилией Самсон Силыч Большов.

Этот якобы исполнитель, «хозяин жизни» заявляет: «Иуда ведь тоже Христа за деньги продал, как мы совесть за деньги продаём». Продаж-

ность, предательство, отречение от Христа и Его идеалов любви к Богу и ближнему становятся главными директивами в деятельности таких Большовых и им подобных.

Так, например, в дебютной пьесе Островского «Семейная картина» («Картина семейного счастья») (1847) купец Антип Антипыч Пузатов не видит греха в том, чтобы обманывать не только посторонних, но даже знакомых и приятелей: «Что говорить! Отчего не надуть приятеля, коли рука подойдет. Ничего. Можно». Собеседница Пузатова, его мать вторит сыну: «А если и обманет кого, так что за беда! Не он первый, не он последний; человек коммерческий. Тем, Антипушка, и торгвя-то держится. Не помимо пословица-то говорится: “не обмануть – не продать”».

Даже такие понятия, как доброе имя и деловая репутация, необходимые для успешного ведения дел, – пустой звук для алчных торгашей. У них свои извращённые представления о порядочности, добродетели, чести. Эти искажённые аморальные установки самодовольно раскрывает именитый купец Павлин Павлиныч Курослепов, беседа с градоначальником, носящим имя-характеристику Серапион Мардарыч Градобоев (его даже в глаза называют Скорпион: «Что ты ко мне пристал, не я тебя крестила! Нешто я виновата, что тебе таких имён надавали! Как ни выворачивай язык-то, всё тот же скорпион выйдет»), в драме «Горячее сердце» (1869):

Градобоев. Что вы за нация такая? Отчего вы так всякий срам любите? Другие так боятся сраму, а для вас это первое удовольствие! Честь-то, понимаешь ты, что значит, или нет?

Курослепов. Какая такая честь? Нажил капитал, вот тебе и честь. Что больше капиталу, то больше и чести.

Градобоев. Ну, мужики и выходите! Невежеством-то вы точно корой обросли. И кору эту пушкой не пробьёшь.

Курослепов. Ну, и пушай!

В сатирической комедии «В чужом пиру похмелье» (1856) богатый купец Тит Титыч Брусков за ненасытную, гигантскую алчность получил прозвище Кит Китыч: «Никто, батюшка, Кит Китыч, не смеет вас обидеть. Вы сами всякого обидите». Этот чудовищный «кит» готов проглотить любого, кто посмеет стать у него на пути. В этом случае всегда к услугам продажные судейские чиновники. Вот характерный фрагмент диалога Брускова и стряпчего Захара Захарыча:

Тит Титыч. <...> Можешь ты такое прошение написать, чтобы в Сибирь сослать по этому прошению?

Захар Захарыч. Кого, Тит Титыч?

Тит Титыч. Трёх человек. Тебе всё равно, что одного, что троих?

Захар Захарыч. Всё равно, Тит Титыч.

Тит Титыч. Надоть сослать учителя Иванова, дочь его и хозяйку их. Я так хочу.

Островский в этой пьесе впервые открыл и описал тип человека-*самодура* и такое понятие, как *самодурство*; дал определение этому характерному явлению в сферах социальной и семейной жизни в России. Губернская секретарша, вдова Аграфена Платоновна беседует со своим постояльцем учителем Иваном Ксенофонтычем:

Иван Ксенофонтыч. Что такое: крутой сердцем?

Аграфена Платоновна. Самодур.

Иван Ксенофонтыч. Самодур! Это чёрт знает что такое! Это слово неупотребительное, я его не знаю. Это *lingua barbara*, варварский язык.

Аграфена Платоновна. Уж и вы, Иван Ксенофонтыч, как погляжу я на вас, заучились до того, что русского языка не понимаете. Самодур – это называется, коли вот человек никого не слушает, ты ему хоть кол на голове теши, а он всё своё. Топнет ногой, скажет: кто я? Тут уж все домашние ему в ноги должны, так и лежать, а то беда...

«Моё слово – закон <...>, – безапелляционно изрекает Кит Китыч. – Что я приказываю? Ты знаешь, у меня слово – закон!»

Подобен Брускову купец Большов в пьесе «Свои люди – сочтёмся». Выдавая замуж за приказчика Подхалюзина дочь, мечтавшую о женихе «из благородных», самодур категорично заявляет: «За кого велю, за того и пойдёт. Моё детище: хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю».

Тирания самодуров держится на власти денег. Особенно страдают от неё материально зависимые от деспотов-старших младшие члены семей, подневольные молодые люди: «Дома-то радости нет, отец-то у него такой дикий, властный человек, крутой сердцем» («В чужом пиру похмелье»). Такие «изверги в своём семействе» («Бедность не порок»), как, например, хрестоматийно известные каждому ещё из школьной программы по литературе купец-«ругатель» Дикой и ханжа-изуверка Кабаниха в знаменитой драме «Гроза» (1859), показаны во множестве пьес Островского.

Так, например, Курослепов в пьесе «Горячее сердце» до того измутил собственную дочь, что она отважилась убежать из дома, подальше от тирании тупого отца и развратной мачехи. Прасковья – честная, искренняя, отзывчивая девушка с *горячим сердцем*, по типу характера схожая с Катериной в «Грозе», – «без спросу» решила пойти на богомолье. «Уж эта ли девушка не обижена, а тут вы ещё. Дома её заели совсем; вырвалась она кой-как, <...> пошла Богу помолиться, у Него защиты попросить...» – заступается за героиню её сердобольный крёстный.

Но Курослепов организует погоню за дочерью, словно за беглой крепостной: «Так отец, с сонных-то глаз, по мачехину наученью, давеча поутру велел городничему изловить её да на верёвке, с солдатом по городу провести для страму; да в чулан дома запрут её на полгода, а то и на год». «Потому... за непочтение, чтобы чувствовала...» – заявляет самодур-отец.

Патриархальный купеческий уклад ушёл в прошлое. Сейчас все эти длиннобородые «купчины толстопузые» в подпоясанных широкими кушаками кафтанах, стёганных поддёвках и смазных сапогах, представленные в живописных картинах стародавнего быта за непременно ведерным самоваром, кажутся слишком диковинными, причудливыми, архаичными. Однако истовое служение не Богу, а мамоне делает их узнаваемыми и сегодня. Смысл коммерческой деятельности этих лавочников и лабазников заключался в том, чтобы смошенничать, обмерить, обвесить, обсчитать, обмануть покупателя, пусть даже в мелочах. Такие нечистые на руку, мелочные плуты-торгаши до сих пор встречаются на каждом шагу.

Но особенно выделяются в наши дни типы буржуа и капиталистов, которых вывел Островский на смену своим ранним героям – староза-

ветным, невежественным, «диким» купцам. Новое поколение предпринимателей обрело иной размах. Капиталисты, «которые грубо наживаются и называют себя деловыми людьми», уже не озабочены копеечной выгодой, они ворочают миллионами.

Так, для промышленника Василькова в пьесе «Бешеные деньги» (1870) полмиллиона рублей – «это ничего». Промотавший состояние дворянин-бездельник Телятев с удивлением готов признать российского коммерсанта чуть ли не родней банкирского клана Ротшильдов:

Васильков. А что ж нужно для того? Какие качества?

Телятев. Такие, каких нет у нас с вами.

Васильков. А позвольте, например?

Телятев. А например: полмиллиона денег или около того.

Васильков. Это ничего...

Телятев. Как ничего! Батюшка вы мой! Да что ж, миллионы-то как грибы растут? Или вы Ротшильдам племянник, тогда и разговаривать нечего.

Эти новые хозяева жизни получили образование, обрели европейский лоск. Таковы коммерсанты в знаменитом шедевре Островского «Бесприданница» (1878):

«Василий Данилыч Вожеватов, очень молодой человек, один из представителей богатой торговой фирмы; по костюму европеец»; «Мокий Парменыч Кнуров, из крупных дельцов последнего времени, пожилой человек, с громадным состоянием». Неважно, что пожилой «денежный мешок» носит стародавнее имя, напоминающее о «диких» купцах в прежних пьесах драматурга. Ремарка выразительно демонстрирует иной уровень: «Слева выходит Кнуров и, не обращая внимания на поклонны Гаврилы и Ивана, садится к столу, вынимает из кармана французскую газету и читает». Кнуров и Вожеватов на протяжении пьесы несколько раз обсуждают предстоящую поездку в Париж, на выставку, где их давно ждут.

Сродни Кнурову «Флор Федулыч Прибытков, очень богатый купец, румяный старик, лет 60, гладко выбрит, тщательно причёсан и одет очень чисто» – в драме «Последняя жертва» (1878). Этот торговец с совсем не светским именем имеет абонемент в ложах самых блистательных театров, посещает дорогие представления с участием иностранных знаменитостей. «Росси изволили видеть? <...> Хороший актёр-с», – говорит Прибытков своей собеседнице, аттестуя итальянского корифея Эрнесто Росси, который часто гастролировал в России. Тот же купец с сожалением заявляет о прославленной итальянской оперной певице, неоднократно выступавшей на русской сцене: «Патти не придет-с». Кроме того, Прибытков – ценитель живописи, коллекционер дорогостоящих полотен:

Ирина. <...> это у вас новая картина в зале?

Флор Федулыч. Недавно купил на выставке-с.

Лавр Мироныч. Оригинал?

Флор Федулыч. Я копий не покупаю-с.

В то же время расчётливый делец Прибытков (фамилия характеризует его как нельзя лучше) никогда не станет бросать деньги на ветер, ничего не сделает без выгоды. Он беспощаден к должникам, отправляя их в долговую тюрьму: «Угодно вам будет деньги заплатить,

или прикажете представить их ко взысканию? Один Монте-Кристо на днях переезжает в яму-с, так, может быть, и другому Монте-Кристо угодно будет сделать ему компанию?»

Когда приглянувшаяся ему молодая вдова Юлия Тугина умоляет богатея дать ей денег взаймы, он отвечает категорическим отказом:

Ю л и я. Не мучьте вы меня. Спасите, Флор Федулыч, умоляю вас!

Ф л о р Ф е д у л ы ч. Не могу-с; у меня деньги дельные и на дело должны идти. Тут, может быть, каждая копейка оплакана, прежде чем она попала в мой сундук, так я их ценю-с.

Точно так же делец ценит своё время. Приглашая Юлию на обед, Прибытков обозначает строгие временные рамки: «Милости прошу откусать как-нибудь. Я всякий день дома-с; от пяти до семи часов-с, больше времени свободного не имею-с».

Он готов раскошелиться, но исключительно в своих интересах. Старый сластолю-бец, не равнодушный к женскому полу: «очаровательность женскую понимаю», – хочет просто купить расположение Юлии. И она это отчётливо понимает: «Да ведь эти люди даром ничего не дают. Он действительно осыплет деньгами, только надо идти к нему на содержание».

Таков же Кнуров в «Бесприданнице». Пользуясь отчаянным положением, в котором очутилась Лариса, женатый старик предлагает девушке стать его содержанкой: «Не угодно ли вам ехать со мной в Париж на выставку? <...> И полное обеспечение на всю жизнь? <...> Стыда не бойтесь, осуждений не будет. Есть границы, за которые осуждение не переходит: я могу предложить вам такое громадное содержание, что самые злые критики чужой нравственности должны будут замолчать и разинуть рты от удивления».

Кнуров не скупится, потому что для него Лариса, её молодость, красота, душа, честь, жизнь и судьба – тот же товар, только дорогостоящий: «Дорогой бриллиант дорогой и оправы требует. <...> И хорошего ювелира». «Всякому товару цена есть», – таково убеждение денежных воротил, уверенных в том, что всё на свете – даже нематериальное, духовное – продаётся и покупается. По сути это антихристианская, сатанинская позиция.

Дельцы лишены души, не знают любви. Сердечные чувства заменил чёрствый, холодный расчёт. Вот Кнуров и Вожеватов прикидывают, кому из них может достаться Лариса, разыгрывают её в орлянку, смотрят как на «вещь». Стоимость этого «товара» сопоставляется с ценой парохода «Ласточка»:

К н у р о в. Ну да, толкуйте! У вас шансов больше моего: молодость – великое дело. Да и денег не пожалеете; дешево пароход покупаете, так из барышей-то можно. А ведь, чай, не дешевле “Ласточки” обошлось бы?

В о ж е в а т о в. Всякому товару цена есть, Мокий Парменыч. Я хоть молод, а не зарвусь, лишнего не передам.

К н у р о в. Не ручайтесь! Долго ли с вашими летами влюбиться; а уж тогда какие расчёты!

В о ж е в а т о в. Нет, как-то я, Мокий Парменыч, в себе этого совсем не замечаю.

В о ж е в а т о в. Чего?

В о ж е в а т о в. А вот, что любовью-то называют.

К н у р о в. Похвально, хорошим купцом будете.

Таковы дельцы и в семейных отношениях. Продают самих себя без любви «миллионным невестам», как, например, «Сергей Сергеевич Паратов, блестящий барин, из судохозяев, лет за 30» в «Бесприданнице»:

Паратов. Что такое “жаль”, этого я не знаю. У меня, Мокий Парменыч, ничего заветного нет; найду выгоду, так всё продам, что угодно. А теперь, господа, у меня другие дела и другие расчёты. Я женюсь на девушке очень богатой, беру в приданое золотые прииски.

Вожеватов. Приданое хорошее.

Паратов. Но достаётся оно мне не дёшево: я должен проститься с моей свободой, с моей весёлой жизнью; поэтому надо постараться как можно повеселее провести последние дни. <...> Отец моей невесты – важный чиновный господин; старик строгий: он слышать не может о цыганах, о кутежах и о прочем; даже не любит, кто много курит табаку. Тут уж надевай фрак и *parlez francais!* {Говорите по-французски!}; «(показывая обручальное кольцо). Вот золотые цепи, которыми я скован на всю жизнь».

В пьесе «Последняя жертва» красавчик-дворянин Дульчин, обещавший жениться на безумно влюблённой в него Юлии Тугиной, бросил молодую вдовушку, когда выудил и проиграл в карты всё её состояние. Этот азартный игрок и мошенник собирается поправить своё финансовое положение женитьбой на внучке Прибытковы Ирине, ошибочно принимая её за богатую наследницу. Однако, узнав, что большого приданого за Ириной не дадут, немедленно оставляет невесту. Промотавшийся вконец, Дульчин готов продать себя в мужья немолодой купчихе-миллионерше и обращается за содействием к свахе:

Дульчин. <...> Попробую ещё пожить немного. Глафира Фирсовна, у Пивокуровой много денег?

Глафира Фирсовна. Миллион.

Дульчин. Сватай мне вдову Пивокурову.

Мужем-игрушкой для стареющей дородной купчихи Белотеловой с состоянием «сверх границ» становится молодой человек Бальзаминов, мечтающий выбиться из бедности женитьбой на богатой невесте: «Что служить-то! Много ли я выслужу? А тут вдруг зацепишь мильон».

Мелкому чиновнику из мещанской среды Островский посвятил целых три пьесы: «Праздничный сон – до обеда» (1857), «Свои собаки грызутся – чужая не приставай» (1861), «За чем пойдёшь, то и найдёшь (Женитьба Бальзамина)» (1861).

Водевильный герой – совсем не хищник, не расчётливый хладнокровный охотник за большим приданым. Этот скудоумный «младой вьюнош», даже по оценке его матери, «умом-то недостаточен», «разумом-то он у меня больно плох». Бальзаминов грезит во сне и наяву не только о богатстве, которое может внезапно пролиться на него невесть откуда, на воле счастливого случая. Молодой человек мечтает и о семейных радостях с хорошенькой молодой женой.

Он настолько наивен, простодушен, доверчив, что по временам вызывает жалость. Его обманывают, оскорбляют, даже травят собаками, чтобы не маячил под окнами барышень на выданье. Зажиточная купеческая родня приглянувшихся ему девиц с насмешками и оскорблениями изгоняет незадачливого жениха, раскрывая всю его суть: «Другой сунется в службу, в какую бы то ни на есть, послужит без году неделю,

повиляет хвостом, видит: не тяга – умишка-то не хватает, учился-то плохо, двух перечесть не умеет, лень-то прежде его родилась, а побарствовать-то хочется: вот он и пойдёт бродить по улицам да по гуляньям, – не объявится ли какая дура с деньгами».

В качестве мужа «дурашливый» Бальзаминов становится собственностью обладательницы торговых лавок в Китай-городе, скучающей в своём вдовстве, купчихи Белотеловой по её прихоти, для потехи.

Так и дельцы, если не продаются сами (как барин, хозяин парохода Паратов), то покупают себе жён, особенно когда в этом есть коммерческие резоны. Таков в пьесе «Бешеные деньги» Савва Геннадич Васильков – «провинциал, лет 35. Говорит слегка на “о”, употребляет поговорки, принадлежащие жителям городов среднего течения Волги <...> Провинциальность заметна и в платье».

Не имеющему столичной хватки купцу из глубинки выгодно жениться на красавице-аристократке Лидии Чебоксаровой. Пусть её семейство обеднело, зато высокий дворянский титул, светские знакомства, изысканные манеры, образованность такой жены должны, по расчёту Василькова, помочь ему в деловых отношениях: «У меня в Петербурге, по моим делам, есть связи с очень большими людьми; сам я мешковат и неуклюж; мне нужно такую жену, чтоб можно было завести салон, в котором даже и министра принять не стыдно»; «у меня особого рода дела, и мне именно нужно такую жену, блестящую и с хорошим тоном».

Разорившиеся, но всё ещё высокомерные, неприступные аристократки Лидия и её мать Надежда Антоновна быстро меняют презрение на благосклонность в отношении неотёсанного купца, когда узнают о его несметных богатствах от своего знакомого дворянина Глумова.

Впервые Егор Дмитрич Глумов появился в комедии Островского «На всякого мудреца довольно простоты» (1868). Это тип «злого гения», глумящегося над слабостями и пороками людей, выкидывающего над ними злые шутки. В пьесе «Бешеные деньги» Глумов распускает молву о мнимых золотых приисках Василькова. Надменная мать Лидии на глазах меняет своё отношение к Василькову, несмотря на нарочитую несуразность этих издевательских глумовских измышлений. Комический эффект достигается сочетанием нелепости непроверенных слухов и мгновенного результата их воздействия на горделивую светскую даму, которой мысль о неисчислимом состоянии потенциального жениха для дочери совсем затмевает разум:

Глумов (*Надежде Антоновне*). У него прииски, самые богатые по количеству золота, из каждого пуда песку фунт золота намывают.

Надежда Антоновна (*взглядывает на Василькова*). Неужели?

Глумов. Он сам говорит. Оттого он так и дик, что всё в тайге живёт, с бурятами.

Надежда Антоновна (*ласково смотрит на Василькова*). Скажите! По наружности никак нельзя догадаться.

Глумов. Как же вы золотопромышленника узнаете по наружности? Не надеть же ему золотое пальто! Довольно и того, что у него все карманы набиты чистым золотом; он прислуге на водку даёт горстями.

Надежда Антоновна. Как жаль, что он так неразумно тратит деньги.

Глумов. А для кого же ему беречь, он человек одинокий. Ему нужно хорошую жену, а главное, умную тещу.

Надежда Антоновна (*очень ласково смотрит на Василькова*). А он ведь и собой недурён...

Глумов. Да, между тунгусами был бы даже красавцем.

Надежда Антоновна (*Лидии*). Пройдём, Лидия, ещё раз. Господа, я гуляю, мне доктор велел каждый вечер гулять. Кто с нами?

Васильков. Если позволите.

Надежда Антоновна (*приятно улыбаясь*). Благодарю вас, очень рада.

Уходят Надежда Антоновна, Лидия, Васильков.

<...>

Глумов. Ну, комедия начинается.

Васильков, не имеющий огромных капиталов, живёт по принципу: «Нынче не тот богат, у кого денег много, а тот, кто их добывать умеет». Даже по-настоящему влюбившись в Лидию, он продолжает оставаться экономным и расчётливым: «я вдруг влюбился, как несовершеннолетний, влюбился до того, что готов делать глупости. Хорошо ещё, что у меня воля твёрдая и я, как бы ни увлекался, из бюджета не выйду. Ни Боже мой! Эта строгая подчинённость однажды определённого бюджету не раз спасала меня в жизни. <...> Хорошо ещё, что у меня довольно расчёта, и я никогда не выйду из бюджета».

Продав себя в замужество мнимому золотопромышленнику, Лидия жестоко просчиталась в своих надеждах на роскошную беспечную жизнь. Васильков не позволяет жене бездельничать, принуждает трудиться: «Я даром денег не бросаю». Она обязана отрабатывать свой хлеб и своё содержание: «Подите ко мне в экономки, я вам дам тысячу рублей в год». Для начала муж-купец собирается запереть Лидию в глуши и сделать из чопорной аристократки деревенскую хозяйку-домоседку: «А вот обязанности: у меня в деревне маменька-старушка, хозяйка отличная, вы поступите к ней под начальство – она вас выучит: грибы солить, наливки делать, варенья варить, передаст вам ключи от кладовой, от подвала, а сама будет только наблюдать за вами. Мне такая женщина нужна, я постоянно бываю в отъезде».

«Ужасно, ужасно!» – реакция Лидии, поражённой такой перспективой:

Лидия. Пожалейте меня, пожалейте мою гордость! Я дама, дама с головы до ног. Сделайте мне какую-нибудь уступку.

Васильков. Никакой!

Услышав в очередной раз от Василькова: «Но знайте, что я из бюджета не выйду. <...> Только бешеные деньги не знают бюджета», – потрясённая Лидия окончательно прозревает: «Мне нужно о многом поплакать! О погибших мечтах всей моей жизни, о моей ошибке, о моём унижении. Мне надо поплакать о том, чего воротить нельзя. Моя богиня беззаботного счастья валится со своего пьедестала, на её место становится грубый идол труда и промышленности, которому имя бюджет».

Материальное и моральное оскудение дворянства становится в драматургии Островского отдельной темой. В пьесе «Бешеные деньги» она воплощается не только в образах Лидии Чебоксаровой и её матери, но и других дворян разных поколений. Это и старик Кучумов – «лет 60, важный барин, в отставке с небольшим чином, имеет и по жене и по матери много титулованной родни»; и Телятев – «неслужащий дворянин, лет 40»; и «молодой человек» насмешливый Глумов. Все они лентяи, бездельники, прожигатели жизни, давно живут взаимны

и не привыкли отдавать долги, платить по счетам. «Вчера описали мебель у двух моих знакомых, сегодня у вас, завтра у меня, послезавтра у вашего Кучумова. Это нынче такое поветрие», – сообщает Телятев дамам Чебоксаровым.

Некоторые промотавшиеся дворяне попадают в долговые тюрьмы. Но многие всё же умудряются выживать за чужой счёт – особенно за счёт безродных, но спесивых купцов, которые считают для себя честью якшаться со знатью. Об этом – финальный диалог Василькова и Телятева:

Васильков (*Телятеву*). Прощай, друг, мне тебя от души жаль. Ты завтра будешь без крова и без пищи.

Телятев. Ты не хочешь ли мне денег дать займы? Не давай, не надо. Пропадут, ей-Богу, пропадут. Москва, Савва, такой город, что мы, Телятевы да Кучумовы, в ней не погибнем. Мы и без копейки будем иметь и почёт, и кредит. Долго ещё каждый купчик будет за счастье считать, что мы ужинаем и пьём шампанское на его счёт.

Это общественное явление также глубоко исследовал современник Островского Лесков. Так, он отмечал в очерке «Пресыщение знатностью» (1888), что обогатившиеся в «сфере плутней и обмана» купцы-«пупцы», «прибыльщики и компанейщики» становятся «самыми мелочными и ненасытными честолюбцами». На «ярмарке тщеславия» они лезут во власть и в знать: «купец постоянно в знать лезет, он “мошной вперёд прёт”».

В пьесе Островского «Не всё коту масленица» (1871) героиня справедливо недоумевает по поводу закоренелой привычки оказывать почёт и уважение «денежным мешкам» в человеческом обличье, которые как личности не стоят ломаного гроша: «Кто ж его знает! Вот что значит богатый-то человек! Распостылый он мне, распостылый, а всё-таки гость. Никакого мне от него барыша нет, и не ожидаю; а как ты ему скажешь, миллионщику: поди вон! Вот какое дело! И какая это подлость в людях, что завели такой обычай – деньгам кланяться! Вот поди ж ты. Отыми у него деньги, вся цена ему грош; а везде ему почёт, и не то что из корысти, а как будто он в самом деле путный. Отчего это не скажут таким людям, что не надо, мол, нам тебя и со всеми твоими деньгами, потому как ты скот бесчувственный».

Нередко эти «ненасытные честолюбцы», теща свой купеческий норов, держали при себе промотавшихся «их благородий» из дворян в качестве угодливых шутов и приживальщиков, зависимых от прихотей хозяев-толстосумов.

Их причуды зачастую принимали самые дикие и безобразные формы, выливались в настоящие оргии безудержного разгула. Сцены ужасающего, чуть ли не inferнального купеческого кутежа представлены в святочном рассказе Лескова с выразительным названием «Чертогон» (1879). У Островского в пьесе «Горячее сердце» таков подрядчик Хлынов. Каждый день этот ошалевший самодур выкидывает новые «диковины», не переставая куролесить и куражиться: «Отчего же мне, господин Курослепов, не куражиться? У меня куражу-то полон погреб».

На даче в собственной роще «чего-чего только у него нет! В саду беседок, фонтанов наделал; песельники свои; каждый праздник полковая музыка играет; лодки разные завел и гребцов в бархатные кафтаны нарядил. Сидит всё на балконе без сертука <...> и с утра пьёт шампан-

ское. Круг дому народ толпится, все на него удивляются. А когда народ в сад велит пустить, поглядеть все диковины, и тогда уж в саду дорожки шампанским поливают. <...> Уж каких-каких только прихотей своих он не исполняет! Пушку купил. <...> По его капиталу необходимая это вещь. Как пьёт стакан, сейчас стреляют, пьёт другой – стреляют, чтобы все знали, какая честь ему передо всеми».

Такие частные артиллерийские залпы и салюты были обычным делом среди разгулявшихся дельцов. В драме «Бесприданница» беспрестанно слышатся пушечные выстрелы: «Какой-нибудь купец-самодур слезает с своей баржи, так в честь его салютуют». «Парадный» дворянин Паратов также не чужд этого дорогостоящего кичливого купеческого обычая, тешащего самолюбие: «Так на барже пушка есть. Когда Сергея Сергеича встречают или провожают, так всегда палят. <...> С шиком живёт Паратов. <...> Уж чего другого, а шику довольно».

Этим «шиком» «блестящий барин» ослепил, обманул и увлёк Ларису. Для неё «Сергей Сергеич... это идеал мужчины». Но именно он оказывается наиболее жестоким, бесчестным и бездушным, приводя девушку к гибели. «Безбожно, безбожно!» – последние слова запоздало прозревшей Ларисы, обращённые к Паратову.

Этой своей юбилейной пьесе, созданной Островским в его 55 лет, драматург придавал особое значение: «постараюсь отделать самым тщательным образом, потому что это будет сороковое моё оригинальное произведение». «Бесприданницу» отличают не теряющий актуальности драматический конфликт, особенная психологическая глубина в разработке характеров.

В драматургии Островского представлена современная модель жестокого, несправедливо устроенного общества: кровожадные волки и их кроткие жертвы – овцы. Вершина этого социального обобщения в пьесе «Волки и овцы» (1875): «Да разве кругом нас люди живут? <...> Волки да овцы. Волки кушают овец, а овцы смиренно позволяют себя кушать»; «Да, на свете волки да овцы, волки да овцы».

Указывая на «психологию насилия и обмана», разработанную в пьесах Островского, литературный критик Н.К. Михайловский (1842–1904) подчеркнул зоологические черты персонажей-хищников: «Восстановляя в своей памяти длинный-длинный ряд героев и героинь Островского, невольно представляешь их себе снабжёнными либо волчьим ртом, либо лисьим хвостом, либо тем и другим вместе. <...> волчья пасть, раз уж она обезобразила лик человеческий, пополняется лисьим хвостом как своим логически необходимым спутником».

Плотоядные хищники в человеческом обличье населяют и остроантирическую пьесу Островского «Лес» (1870). Тёмный дремучий лес, где господствуют звериные законы, становится ещё одним обобщающим образом, символизирующим неблагообразное, античеловеческое устройство жизни.

В своём заключительном монологе странствующий актёр-трагик с соответствующим сценическим псевдонимом Несчастливцев страстно обличает этот «лес» и его хищных обитателей: «И в самом деле <...> зачем мы зашли, как мы попали в этот лес, в этот сыр-дремучий бор? Зачем мы, братец, спугнули сов и филинов? Что им мешать! Пусть их живут, как им хочется! Тут всё в порядке, братец, как в лесу быть следует. Старухи выходят замуж за гимназистов, молодые девушки топятя от горького житья у своих родных: лес, братец». Разоблачения обретают высокий трагический накал, когда Несчастливцев

цитирует пьесу Фридриха Шиллера «Разбойники»: «Люди, люди! По-рождение крокодилов! Ваши слёзы – вода! Ваши сердца – твёрдый булат! Поцелуй – кинжалы в грудь! Львы и леопарды питают детей своих, хищные враны заботятся о птенцах, а она, она!.. Это ли любовь за любовь? О, если б я мог быть гиеною! О, если б я мог остервенить против этого адского поколения всех кровожадных обитателей лесов!»

Недоучившиеся дворяне, не знакомые с творчеством немецкого романтика и гуманиста, воспринимают эту литературную цитату не просто как оскорбление в свой адрес, но как «бунт», подрывание «основ»:

Милонов. Но позвольте, за эти слова можно вас и к ответу!

Буланов. Да просто к становому. Мы все свидетели!

Несчастливцев (Милонову). Меня? Ошибаешься. (Вынимает пьесу Шиллера «Разбойники».) Цензуровано. Смотри! Одобряется к представлению. Ах ты, злокачественный мужчина! Где же тебе со мной разговаривать! Я чувствую и говорю, как Шиллер, а ты – как подьячий! Ну, довольно! В дорогу.

Ставшие в русском языке фразеологизмами выразительные образы, найденные литературным критиком, поэтом и публицистом Н.А. Добролюбовым и вынесенные в заглавия его статей о ранних пьесах Островского – «Тёмное царство» (1859) и «Луч света в тёмном царстве» (1860), в целом характеризуют всё творчество драматурга. На общем фоне «тёмного царства», подавляющего всё светлое, живое, лишь изредка сверкнут «лучи света» – в образах чистых и честных, искренних героев с горячими сердцами. Однако чаще всего эти персонажи – гонимые жертвы самодурства и гнетущего произвола; бедняки, ведущие борьбу за свою скромную жизнь.

Таковы в «битве жизни» люди, потом и кровью зарабатывающие свой «трудовой хлеб». Это актёр Несчастливцев в пьесе «Лес», актёры и актрисы в драмах «Таланты и поклонники» (1882), «Без вины виноватые» (1881–1883) и многие другие герои.

Несчастливцев становится обличителем эгоизма и лицемерия богатых угнетателей-«комедиантов», готовых низко лицедействовать ради сохранения своей власти, преумножения капиталов, получения выгоды, противопоставляя им вдохновенный актёрский труд, душевную искренность: «Комедианты? Нет, мы артисты, благородные артисты, а комедианты – вы. Мы коли любим, так уж любим; коли не любим, так ссоримся или дерёмся; коли помогаем, так уж последним трудовым грошом. А вы? Вы всю жизнь толкуете о благе общества, о любви к человечеству. А что вы сделали? Кого накормили? Кого утешили? Вы тешите только самих себя, самих себя забавляете. Вы комедианты, шуты, а не мы».

При чужеродном самодержавно-капиталистическом строе в закабалённой России власть имущие «хозяева жизни» установили антинародный режим, при котором большинство обречено на рабский труд с нищенской оплатой, позволяющей едва существовать лишь на грани выживания.

Трудовой хлеб нелёгок, даже горек. Он не предоставляет честному труженику никаких возможностей выбиться из беспросветной нужды, не спасает от насмешек и издевательств со стороны богатых лентяев и бездельников. Об этом ведут обстоятельный разговор герои пьесы

«В чужом пиру похмелье» учитель Иван Ксенофонтыч и его квартирная хозяйка:

Аграфена Платоновна (*помолчав*). Мне как хотите. Я, жалеючи вас, говорю. Куда вы денетесь с дочерью-то? Девушке двадцать лет; нынче без приданого-то никто не возьмёт; а у вас ни кругом, ни около – всё нет ничего, бедность непокрытая.

Иван Ксенофонтыч. Как ничего? У меня есть пенсия, есть уроки.

Аграфена Платоновна. Что ваша пенсия! Что ваши уроки! Разве это приданое? Пока живы, ну, конечно, на пропитание хватит; а вы то рассудите: вы пожилой человек, ну, сохрани Бог, помрёте: куда будет Лизавете Ивановне голову приклонить?

Иван Ксенофонтыч. Она куда пойдёт? Она будет детей учить. Будет заниматься, сударыня, тем благородным делом, которым отец занимался всю свою жизнь.

Аграфена Платоновна. Уж куда какая невидаль! Хорошее житьё, – по чужим людям шляться из-за куска хлеба! Чужой-то хлеб горек!

Этот диалог подкрепляется монологом дочери старого учителя:

Лизавета Ивановна (*одна, подходит к столу, садится и берёт работу; молчание*). Нет, уж мы очень много трудимся! Что ни говори, как себя ни утешай, а тяжело, право, тяжело! Уж я не говорю об деньгах, не говорю о том, что за наши труды нам платят мало; хоть бы уважение-то нам за наш честный труд оказывали; так и этого нет. На что уж наша хозяйка, и та смотрит на нас с каким-то сожалением! А всего мне обиднее, что смеются над папашей. Он, точно, немного странен, да ведь он всю жизнь провёл за книгами, его можно извинить. И что в этом смешного, что человек ходит в старой шинели, в старой шляпе? А у нас такая сторона, чуть не в глаза хохочут. Конечно, это невежество, с образованием это пройдёт, а всё-таки тяжело. Вот вчера, как я шла из церкви, какие-то молодые купцы вслух смеялись над моим салопом. Где же я лучше возьму? Ты же приносишь людям пользу почти бескорыстно, тебя же презирают.

Вести такую жизнь изо дня в день равносильно аскетизму, подвижничеству. Нужна большая внутренняя сила, духовная стойкость «мучеников правды» в борьбе с искушениями. «Нужда, обстоятельства, необразованность родных, окружающий разврат могут загнать меня, как загоняют почтовую лошадь», – таковы опасения героя пьесы «Доходное место» Жадова. Под натиском жизненных трудностей: «Я испытал, что значит жить без поддержки... без протекции... я женат. <...> Я живу очень бедно... Для меня бы стало; но для жены, которую я очень люблю...», – он чуть не предал своих пылких юношеских идеалов, «чувства справедливости, чувства долга». Молодой человек, намеревавшийся служить честно, едва не оступился, когда скрепя сердце, сгорая от стыда, пришёл просить у чиновника высокого ранга, своего дядюшки Вышневого «доходного места» с возможностью получать взятки: «Дайте мне место, где бы я... мог... (*тихо*) приобрести что-нибудь».

Высокопоставленный государственный сановник – старый коррупционер, сколотивший на взятках громадное состояние, купивший себе молодую жену, готов торжествовать победу.

Он с презрением обращается к Жадову и в его лице ко всему молодому поколению, желающему очищения общества: «Не ты ли говорил, что растёт какое-то новое поколение образованных, честных людей,

мучеников правды, которые обличают нас, закидают нас грязью? Не ты ли? Признаюсь тебе, я верил. Я вас глубоко ненавижу... я вас боялся. Да, не шутя. И что ж оказывается! Вы честны до тех пор, пока не выдохлись уроки, которые вам долбили в голову; честны только до первой встречи с нуждой!»

Этих упреков достаточно, чтобы молодой человек опомнился и снова стал на путь истинный: «Уж теперь я не изменю себе. Если судьба приведёт есть один чёрный хлеб – буду есть один чёрный хлеб. Никакие блага не соблазнят меня, нет! Я хочу сохранить за собой дорогое право глядеть всякому в глаза прямо, без стыда, без тайных угрызений, читать и смотреть сатиры и комедии на взяточников и хохотать от чистого сердца, откровенным смехом. Если вся жизнь моя будет состоять из трудов и лишений, я не буду роптать... Одного утешения буду просить я у Бога, одной награды буду ждать. <...> Я буду ждать того времени, когда взяточник будет бояться суда общественного больше, чем уголовного».

Эти горячие упования своего героя, несомненно, разделяет создавший его образ автор.

Островский с искренней симпатией и большим сочувствием относится к тем своим персонажам – бесхитростным и простосердечным людям, которые стремятся к простому семейному счастью, хотят иметь свой кусок хлеба – пусть без излишеств, но позволяющий сохранить честь, порядочность, человеческое достоинство: «честнее труда ничего на свете нет <...> живите трудом, работайте». Такой завет оставила в письме дочери её умирающая мать в пьесе «Трудовой хлеб» (1874). Такого же принципа на протяжении всей своей жизни придерживался и сам драматург.

Письмо передаёт девушке дядя, родной брат её матери – учитель с говорящей фамилией Корпелов:

Корпелов. <...> Прочти, что писала твоя мать одному богатому барину!

Наташа (*читает*). «Благодарю вас за участие, но вы меня оскорбляете, присылая мне деньги. Посылаю вам их обратно. Пока я жива, я не приму от вас денег. Дочери моей останется немного, но ей и не надо многого; она привыкла жить трудом и должна жить трудом, если захочет исполнить завет умирающей матери. <...> пусть она даровых денег не знает».

Для высоконравственных, порядочных людей-тружеников деньги не фетиш, «золотой телец» не божество, которому поклоняются одурманенные маниакальным преумножением богатств обезумевшие существа, утратившие в душе истинного Бога и Его благодать. Эти безумцы, помешанные на деньгах, когда их теряют, оскудевают не только материально. Они полностью опустошаются внутренне, утрачивают смысл, цель и радость жизни. Закономерный итог разорённых поклонников не Бога, а мамоны – постыдная смерть самоубийц.

Об одном из таких Корпелов рассказывает: «Ведь какой глупый человек-то! Плутовал, плутовал, да концов-то схоронить и не умел. Зазвал купца обедать, а тут и незваные гости явились. Документики какие-то фальшивые состряпал, его и накрыли. Ну, уж попался, так и терпи. А он, глупый, что же выдумал: побежал в кабинет, дверь на ключ да хлоп из револьвера. Хвать-похвать – денег никаких, одна только записка на конторке: “Без денег, мол, мне жить на свете незачем”. Какой глупый-то! Да разве жизнь-то мила только деньгами, разве только и радости,

что в деньгах? А птичка-то поёт – чему она рада, деньгам, что ли? Нет, тому она рада, что на свете живёт. Сама жизнь-то есть радость, всякая жизнь – и бедная, и горькая – всё радость. Озяб, да согрелся – вот и радость. Голоден, да накормили – вот и радость. Вот я теперь бедную племянницу замуж отдаю, на бедной свадьбе пировать буду, – разве это не радость!»

Добра и радости для всех честных людей, коренного обновления русской жизни на началах добра, красоты и правды жаждал Островский. Борец за правду Христову, за социальную справедливость, за восстановление растоптанной человеческой души, попранного достоинства личности, он всем своим творчеством, по точному выражению Добролюбова о драме «Гроза», бросил «страшный вызов самодурной силе» – кабальному игу несправедливого социально-политического устройства, порождающего угнетателей, тиранов, деспотов, самодуров всех мастей.